

С. С. МАРК

**А. Ф. Керенский
(Штрихи к характеристике)**

Когда мне приходится лишний раз убеждаться в тех чувствах симпатии, любви и уважения, которыми пользуется А. Ф. Керенский во всех слоях общества, когда я читаю о действиях министра юстиции, свидетельствующих об его великодушии, благородстве, рыцарстве — я всегда вспоминаю слова одного депутата-националиста.

Это было в середине февраля, в те дни, когда ни А. Ф. Керенский, ни я, ни кто-либо другой не могли даже предполагать о возможности того переворота, который совершился чуть ли не через неделю. А. Ф. Керенский просил меня проверить, насколько основательны дошедшие до него слухи о том, что правительство хочет привлечь его к ответственности за одну из речей, произнесенных с трибуны Г[осударственной] думы. Я навел справки. Оказалось, что слухи верны. Я сообщил А. Ф. Керенскому, что председатель Совета министров кн. Н. Д. Голицын¹ обратился к М. В. Родзянко с просьбой прислать полный неисправленный текст инкриминируемой А. Ф. Керенскому речи, после чего вопрос о привлечении получит окончательное разрешение.

Когда, выслушав это, А. Ф. Керенский отошел в сторону, один из депутатов-националистов, присутствовавших во время нашей беседы, сказал:

— Что, небось не нравится Керенскому... Заволновался... А, дай ему самому в руки власть, так он показал бы себя!..

Он показал бы себя!.. Как ошибочно оказалось это мнение через несколько же дней, как несправедлива та ирония, с которой оно было высказано...

* * *

27 февраля... Тот эпизод, который я хочу рассказать, не нашел еще себе места в печати... А между тем он, быть может, окажется не безынтересным для будущего историка переворота, дав ему возможность определить, какое было первое распоряжение А. Ф. Керенского в роли вождя революции.

Три часа дня... В полуциркульном зале Таврического дворца идет совещание депутатов о том, объявить ли себя Временным комитетом членов Г[осударственной] думы... Все взволнованы... Каждую минуту приходят все новые и новые вести о том, что происходит в городе... То и дело доносятся выстрелы... Толпа, собравшаяся около Таврического дворца, становится все нетерпеливее и нетерпеливее... Она уже ломится в подъезд... Нельзя терять ни секунды... А депутаты все совещаются. Мгновения кажутся вечностью нам, журналистам, ожидающим постановления депутатов.

Но вот гул толпы становится сильнее... Мы с беспокойством бросаемся к вестибюлю... Четверо рабочих, вооруженных винтовками, ведут двух совсем юных прапорщиков... Оказывается, это офицеры, стоявшие во главе караула, охранявшего водокачку, что против дворца. Прапорщики не хотят сдать караула рабочим, и толпа требует их выдачи для самосуда...

— Поймите, — с волнением говорят прапорщики, — мы не можем этого сделать... Нас может сменить с караула только наше военное начальство...

Мы понимаем прапорщиков. Но мы сознаем и другое: если они будут упорствовать — толпа учинит самосуд, опасаясь, что с водокачки откроется по ней стрельба...

Рабочие, приведшие прапорщиков, вызывают А. Ф. Керенского. И вот здесь А. Ф. Керенский отдает свое первое распоряжение...

— Я понимаю вас, — говорит он прапорщикам в ответ на их объяснение... — Но, ввиду переживаемых событий и невозможности вам снести с вашим начальством, я приказываю вам сдать караул рабочим. Вы сами останетесь здесь... Своей собственной жизнью я гарантирую вам полную безопасность и неприкосновенность...

— Но если беспорядки будут подавлены. Ведь нас тогда расстреляют по закону...

— Я, член Гос[ударственной] думы Керенский, лично приму тогда на себя ответственность за то распоряжение, которое я вас сейчас отдаю...

Две молодые жизни были спасены... Мы провели прапорщиков в одну из комнат, велели принести им чаю и бутербродов с котлетами... Увы, они продолжали все еще так волноваться, что кусок застрял бы в горле... И чай, и бутерброды остались нетронутыми.

— Поймите, — говорили они, — в каком положении мы очутились... С одной стороны приказ начальства в случае приближения толпы к Таврическому дворцу открыть стрельбу, с другой — отказ наших солдат стрелять. Мы уже хотели застрелиться, не видя выхода...

А с улицы доносился гул толпы, и некоторые из нее уже входили во дворец...

* * *

Итак, первое распоряжение А.Ф. Керенского, как революционного вождя, спасло две молодые жизни...

Во всей своей последующей деятельности он проявил себя все тем же гуманным человеком...

На днях один сенатор с восторгом отзывался о созидательной работе А.Ф. Керенского как министра юстиции...

— А слеза старика Горемыкина² при виде рыцарского отношения А.Ф. Керенского к своим политическим противникам... Это разве не лучшее свидетельство великодушия, справедливости и благородства Керенского! — говорил сенатор.

Мне все это особенно приятно писать об А.Ф. Керенском. Мы учились в одной и той же ташкентской гимназии. Как-то, сидя в Екатерининском зале Таврического дворца, мы вспомнили и тенистый гимназический сад, и старика учителя-француза Эмиля Ивановича, и проделки над ним... И вот я позволяю себе обратиться к министру со следующими словами:

— Александр Федорович! Если мне придется еще быть в Ташкенте и посетить нашу гимназию, я буду счастлив прочесть золотые буквы на мраморной доске: «Здесь учился Александр Федорович Керенский, который, став первым министром юстиции в свободной России, подписал декрет об отмене смертной казни.

